

«Я это видел!»

Живые воспоминания о далёкой войне
воинов 189 Краснознамённой Кингисеппской
стрелковой дивизии

Слова «город-фронт» предельно точны. Ленинградский фронт практически не имел тыла. В течение первого, самого критического периода обороны города Ленинграда фронт мог рассчитывать только на собственные резервы. В те дни особенно важным стал суворовский завет воевать не числом, а умением. В полной мере это относилось и к инженерным войскам.

Поистине преклонения заслуживают люди, которые шли под губительный вражеский огонь выполнять свое будничное дело: наводить переправы, делать проходы в минных полях и заграждениях, уничтожать вражеские огневые точки... Преклонения достоин и труд ленинградских женщин, ставших военными строителями, разминерами.

Уходят фронтовики; редет круг ветеранов — людей, отстоявших для грядущих поколений мир и свободу. Но опыт их борьбы и побед не должен исчезнуть, — слишком дорогой ценой он достался. Каждая крупица знания и памяти должна быть сохранена для сегодняшних и завтрашних защитников Родины.

Внезапность вероломного нападения на Советский Союз позволила немецко-фашистским войскам добиться на первом этапе войны известных успехов. В частности, на северо-западных рубежах нашей страны гитлеровцы ценой огромных потерь вышли на дальние, а затем и ближние подступы к Ленинграду.

С началом Великой Отечественной войны на базе управления и войск Ленинградского военного округа был образован Северный фронт (23 августа разделенный на Ленинградский и Карельский фронты). Его передний край проходил на протяжении более 1000 километров — от Мурманска до Финского залива и далее до Таллинна.

В первые же дни войны было организовано Управление строительством тыловых оборонительных рубежей Северного фронта.

Войска фронта в ту пору испытывали большую нехватку средств заграждений, особенно мин, взрывчатых веществ и строительных материалов.

Все усилия трудящихся Ленинграда были направлены на помощь фронту.

Активно помогали военному командованию работники Архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома. Они разрабатывали проекты оборонительных сооружений и сами участвовали в их возведении. Работники декорационных мастерских ленинградских театров участвовали в маскировочных работах по прикрытию важнейших объектов города. В мастерских изготавливались макеты танком, орудий, самолетов — все это требовалось для создания ложных позиций, дезинформации врага. Решающее значение в этот период приобрело строительство оборонительных позиций. В конце июня — начале июля 1941 года сотни тысяч ленинградцев вышли на строительство окопов, дзотов, противотанковых рубежей. Они возводились на основных направлениях: псковско-гдовском и псковско-лужском, от Кингисеппа до озера Ильмень, в районах Гатчины, Тосно, Ораниенбаума. Ежедневно от каждого района направлялось на работы по несколько тысяч, а в августе — по несколько десятков тысяч человек. Из мобилизованных на работы трудящихся, преимущественно женщин, формировались полувоенные организации — отряды по 1000 человек. Во главе отряда был командир с образованием или опытом строителя. Среди командиров было много женщин-строителей, призванных в армию.

Скворцов Владимир Алексеевич – лейтенант, дата рождения 25.03.1911, г. Ленинград.

- Зачислен в ополчение в августе 1941 г. политбоец, 70 с/д. (45 гв.) – боец 68 с/п. боец - зам. политрука, декабрь-апрель на излечении по ранению, с марта 1942 – нач. клуба 341 батальона морской пехоты. Март 1943 – август 1944 командир взвода, на излечении по ранению – 1944 – декабрь 1944 и т.д. До войны работал к/с «Ленфильм» - кинорежиссёр, после войны вернулся в родные стены. Получил 4 ранения и 2 контузии в Ленинграде. Награжден: орденом Красной звезды, медалями: «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», «20 лет Победы», «30 лет Победы», «50 лет вооруженным силам СССР», «60 лет вооружённым силам СССР», «250 лет Ленинграду» и 6 штук нагрудных знаков.
- Октябрь 1936 год – Мин. «Калинин» - школа рулевых, Мин. «Энгельс» - рулевой, режиссёр театра КБФ. Декабрь 1937 года – уволен в запас. 1941 – доброволец – политбоец 70 с/д 68 с/п – зам. политрука, декабрь 1941 – апрель 1942 – на излечении по ранению. Апрель 1942 – 1944 – помощник взвода 189 с/д 891 с/п. Август 1944 – на излечении по ранению. Декабрь 1944 – помощник взвода 219 с/д. 1945 – на излечении по ранению. Февраль 1945 – помощник взвода 391 с/д.

Это противопульные панцири. Личное средство защиты пехотинца в бою

СТАЛЬНОЙ НАГРУДНИК БОЙЦА РККА

СН - 38 (СН-1)

СН - 40?

СН - 42 (СН-2)

Эти доспехи ковали на заводе «Арсенал» в Ленинграде (в этом цехе я работал с 1918 по 1931 год – кузнецом). Панцирь - лист из высококачественной стали толщиной в 3-4 миллиметра был выгнут по форме груди. На левом плече он крепился специальной лапой, а на спине пристегивался ремешками. Слой металла, как гарантировали инженеры-конструкторы, предохранял от пуль, выпущенных с расстояния не ближе пятидесяти метров.

23.07.1944 – бой за освобождения Нарвы. «Мой взвод шёл в доспехах. Никогда не забуду лицо фашистского автоматчика в очках. Вжавшись спиной в земляной траверс, палил в меня с дуэльной дистанции...

Три сильных толчка в грудь - три попадания в панцирь. Едва устоял на ногах, но устоял... Автоматчик видит, что его пули отскакивают от меня, как горох. За стеклами очков - обезумевшие от ужаса глаза...

Я не стал убивать немца, видя, как он бросил свой автомат и поднял руки. И только после боя я заметил, что ранен в правое предплечье, не закрытое панцирем, и долго помнил обезумевшие от животного страха глаза этого немца».

07.11.1941 участвовал в боях в районе реки Тосно (это был первый приказ – прорвать блокаду, мы шли 1 офицер - политбоец и 5 солдат... Играл оркестр по радио... Справого берега нас поддерживала 1 «Катюша» (5 ГЭС).

1944 январь – прорыв блокады и 01.02.1944 – бой за освобождения Кингисеппа...

23.07.1944 – бой за освобождения Нарвы.

Август 1944 – бой у озера Выри - Ярви... Здесь (я и командир роты - не помню фамилию) вывели батальон из окружения и один танк... В этот день были убиты командир полка и замполит полка...

Начальник штаба обещал нас представить к награде...

Волков Владимир Ильич – ефрейтор дата рождения 08.11.1926 Псковская область. Палкинский район, деревня Васильево.

- Зачислен в армию 10.08.1944 года, специальность миномётчик. Проходил службу: август 1944 г. 223 з. с. п – мини-батальон при 67 армии по октябрь 1944 г. С октября 1944 г. по май 1945 г. 189 с.д. 891 с. П. Полковой автоматчик. До войны работал в сельхозе, после войны окончил в Германии курсы в 1949 году и работал в ЦНИИМ г. Ленинград до 1982 года водителем I- класса, из-за возраста (тяжело) перешел на другую специальность в этой же организации - термист нагревательных печей.
- 08.07.1941 году попал под оккупацию в городе Пскове, в том же году вернулась наша семья в родную деревню к сестре отца, помогал тете и родителям по сельскому хозяйству, в 1944 году в августе освободили нашу местность, на другой день был призван под Псковом военной комиссией от 67 армии в 223 Западный прифронтовой полк, в миномётный батальон двигаясь за фронтом в пределах 8-10 км считая 2-ым эшелоном, вооружены и укомплектованы боеприпасы от г. Пскова пополнение. В октябре 1944 года под Ригой в 891 с. П. 189 с. д., где находился до октября 1945 года полковым автоматчиком. В октябре 1945 г. был переведён в Германию 11 з. п. 110 с. д. отсюда по распределению попал в в/ч 96900 войска м. в. д. и октября 1950 года был демобилизован. В войне участвовал старший брат (остался инвалидом) и отец.

«Наиболее впечатляющая была капитуляция Курляндской группировки - май 1945 года. Перед капитуляцией была сильнейшая Артиллерийская подготовка мы продвинулись не особо много вперед. Я был окопавшись около шоссе, получил приказ: если будут парламентёры – пропустить. Вскоре утром шли две автомашины с большими двумя флагами белыми и через 3-4 часа они ушли обратно, мы тоже двинулись вперед, перед нами предстала картина: скирды оружия, все куветы забиты мешками денег, орденов – крестов и прочей, лошади, повозки, техника. Но на следующий день немецкие части встали на пункты, мы вперед, а они на встречу. Прочёсывали леса, хутора, населённые пункты. И вот войны конец. Это особо в памяти осталось. А прошлые невзгоды, тяжести походов военных невзгод остались вне забытье.»

Смирнов Пётр Андреевич рядовой. Дата рождения 12.01.1923 г. деревня Устье, Зубцовского района, Калининской области.

- Зачислен в армию 10.01.1942 года, пехота, автоматчик. 01.-02.1942 г обучался на курсах радистов 41 (ОЧБС), 03-04.1942 находился в госпитале № 1014 на излечении от дистрофии. 05.1942-04.1943 – служил в БАО при аэродроме в Колтушах. -5=08.1943 зачислен связистом, затем автоматчиком в 864 стрелковый полк. До войны работал в г. Ленинград, Кировский завод.
- Получил тяжёлое ранение с ампутацией трети правой голени. Эвакогоспиталь № 1237 г. Новосибирск. Награды: Орден Отечественной войны I степени, Медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «20 лет Победы в ВОВ», «30 лет Победы в ВОВ», «40 лет Победы в ВОВ», «50 лет Победы в ВОВ», «60 лет Победы в ВОВ», «В память 250 л. Ленинграда», «Ветеран труда».

После моего призыва в армию в блокадном Ленинграде погибли от голода в 01.1942 - отец, 02.1942 – мать. После этого две мои младшие сестры были эвакуированы в Горьковскую область в детдом. Что стало с младшим братом, работавшим на Кировском заводе - известий не имею. За период моей военной службы находился на Ленинградском фронте. С 01.1942 – 08.1943 года находился в боях при переправе Невы у д. Марьино, в боях за ж/д ветку у Красного бора, затем в обороне под Пулковом, где и был ранен. Во время патрулирования в районе Обводного канала поразила меня шедшая автомашина с нагруженными как дрова, трупами замерших людей. Во время привала при подходе к Красному Бору, в районе железнодорожной насыпи, во время завтрака был налёт немецких самолётов. И одна из бомб угодила в воронку от снаряда, где в это время устроились бойцы, укрывшись плащ-палаткой. Бойцы были нацменами (казахи, узбеки), и было их 6 человек. И после взрыва никто оттуда не поднялся. Я был совсем рядом наверху насыпи и меня волной не задело.

Там же под Красным Бором, во время обеда, в землянке, шальная пуля попала моему товарищу прямо в сердце. Он не успел даже вскрикнуть, а сидел он со мной рядом, локоть к локтю. Фамилии его я не помню, но был он высокий и по национальности мордвин. Во время нашей вылазки за «языком», при переходе нейтральной полосы был ранен, с отрывом кисти руки один наш товарищ, фамилии я его не помню, но лицом он был рябоват и худощав. И в этой же операции при отходе от вражеских ограждений и я был тяжело ранен, с отрывом стопы правой ноги. И вынес меня на своих плечах товарищ, одет он был в тельняшку. Фамилии я его не помню, перед походом всё играл на гитаре и пел. Эти два события были под Пулково 08.08.1943 года.

Жилин Александр Всеволодович сержант. Дата рождения 23.05.1913 Жилица Каргапольский район, Курганская область.

- Зачислен в армию 03.08.1941 года, в 189 сд, артиллерист – радист. Дважды ходил в разведку боем, трижды ранен, 2 года в госпиталях, домой пришёл 25.05.1946 года. До войны работал бухгалтером МТМ. Медали: «За отвагу» (две), «За оборону Ленинграда», «250 лет Ленинграда», всего 11 медалей. Был сержант артиллерийской разведки и радист.

На пяточке Невской Дубровки, очень было тяжело. Лёд через Неву плохой, рвут снарядами и минами, фронт мал, куда бы пал снаряд, тут и в цель, раненых убрать нет возможности.

Когда в 189 сд за Нарвой, где я был ранен, пошли наши танки - 30 корпус стояли у дороги на колесах, наш комдив говорили, что погиб под Тарту, где и похоронен.

Под Ленинградом на Вороньей горе, мы три человека из немецкого 6 - ти ствольного миномёта выпустили 49 снарядов, у меня была стерео - труба и я корректировал огонь. Вёл огонь какой – то обгорелый танкист – офицер, потом подошёл танк и майор нас записал, что мы много на горе побии техники и отступающих немцев. Я ему показал трубу и он записал нас для награды, но так и не наградили.

Забродин Сергей Васильевич мл. сержант. Дата рождения 10.12.1906 года Ульяновская область Сурский район, село Акнеево.

- Зачислен в армию 27.06.1941 года, войска НКВД стрелок. Проходил службу 1 – я стрелковая дивизия НКВД, 189 стрелковая Кингисепская дивизия 880 стр. полк. Ранен в августе 1941 года и в марте 1944 года. Награды: «орден Красной звезды», две медали «За отвагу», «За оборон Ленинграда» и другие.

Сначала войны до прорыва блокады в районе Шлиссельбурга я служил 25 отдельный заград отряд НКД, после прорыва блокады в районе Шлиссельбурга отряд расформировали и перебросили наш отряд в район Пулковских высот.

В 1944 году наша дивизия освобождала Эстонию и Латвию от фашистских захватчиков, наш батальон, которым командовал майор Тимченко Михаил Васильевич успешно вёл наступление в Эстонии, ранним утром, при большом тумане, мы сами не заметили, как вышли на немецкую батарею, увидев, как немцы по нам из пушек открыли огонь, но у них получался то недолёт, то перелёт, а когда по команде командира батареи весь батальон открыл пулеметный и автоматный огонь, стрельба батареи прекратилась и с криком «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!» захвати эту батарею, захватили несколько пулеметов и другое вооружение, взяли несколько лошадей.

Второй эпизод: окрыленные удачей продвигались вперед, мы оторвались от полка и оказались в окружении немцев, наступление шло в лесу, пришлось всем окопаться и принять оборону до утра. Немцы вели по нам редкий артиллерийский огонь, снаряды рвались рядом, но в цель не попадали. Утром рано наш батальон пошел в наступление прорвав оборону немцев, нанесли им большой урон в живой силе, причем захватили «языка» - одного немца.

Нужно отдать должное в обоих случаях нашему командиру батальона, т. Тимченко и начальнику штаба батальона т. Добрыгину, которые обеспечили успех нашего батальона.

Парванян Григорий Оганесович родился в 1921 году в Армении, г. Ереван.

- Окончил 10 летку, поступил в гос. Университет в 1939 году, в том же году призван в ряды Красной Армии. Я участник 2 – х войн, против «белофиннов» 1939 год в составе 65 с/п и ВОВ.

Я один из активных защитников и освободителей от блокады любимого города. Колыбели Социалистических революций - Ленинграда! Мои самые лучшие годы я провел под стенами этого любимого города, который я считаю своей второй Родиной. В исключительно невиданных, трудных условиях во время блокады мы истребляли немецко - фашистских захватчиков, охотились на каждого фрица. Я как бывший снайпер истребил 3 финские «кукушки», 25 фрицев. Первоначальное офицерское звание младший лейтенант в торжественной обстановке присвоили мне в г. Пушкине 1941 год 8-м артиллерийском городке, а служил в разных частях в том числе и 189 с/д, 864-891 с/п командиром огневого взвода 76 м/м пушек, командиром минометного взвода 50-82 м/м минометов зам. ком. роты по строевой и командиром Стрелковой роты в других частях. Во время службы был ранен 4 раза. В настоящее время инвалид III группы. У нас тогда была очень строгая дисциплина военного времени, и мы клялись, что немец может ворваться в Ленинград, только через наши трупы. Мы верили в наши силы, отстояли и наконец победили.

Так же вы дорогие школьники учитесь только на хорошо и отлично, будьте достойными хозяевами своего любимого города, города Героя, который славиться по всему миру!

Исаев Константин Андреевич ефрейтор. Дата рождения 20.08.1922, Тамбовская область, поселок Марф, район Ново-Знаменский, город Ниженск.

- Зачислен в армию в июле 1942 года Молотовским райвоенкоматом Омской области, артиллерист – наводчик. С 07.1942 по 04.1943 года проходил учебу в училище. Волховский, Ленинградский фронт с 04.1943 по 01.1944 г., 189 сд, 880 сп 45 минометный батальон. 01.1944 по 02.1945 на излечении.
- Награды: Орден «Славы» III степени, медали: «За оборону Ленинграда», «В память 250 л. Ленинграда», «В ознаменованя 100 л. Со дня рождения В. И. Ленина».

В январе 1943 года от обороны полки дивизии перешли в решительное наступление. Полк вошёл в прорыв, преследуя отступающего врага. Событие большой радости наших бойцов запомнилась встреча с другими соединениями в районе «Ропша». Радость, восторг, ликование, крепкое объятие бойцов и командиров. После встречи полк продолжал движение вперед, преследуя отступающего противника.

Глубокая ночь. Подошли к п. «Волосово». Видно, как немцы жгут жилые дома. Командир батареи и взводные приняли решение атаковать.

Приготовились.

Ездовые сели верхом на коней, расчет на орудие, батарея с криком «Ура!» ворвалась в поселок. Сняв с передков орудия, развертываемся, открываем огонь из орудий и автоматов. Немцы оказали сильное сопротивление, завязался бой. Ожили немецкие огневые точки.

Подошла наша пехота, заговорили наши «Максимы». Жители поселка помогали нам, указывая чердаки, где засели немецкие автоматчики. Сильная стрельба. В панике немцы убегают, оставляя убитых, раненых, военное имущество.

Днем немцы на дороге оставили танк – заслон. Приказ уничтожить его, получает орудие 2 – го взвода, но свершилась трагедия. Батарея понесла утрату, враг опередил выстрелом. Хорошо дрались батарейцы, в том числе командир нашего орудия Анисимов Степан, стойко, решительно, смело. Продвигаясь с боями, не давая врагу передышки, подошли к Кингисеппу. Виден дзот и амбразура немцев, но огня не открывает, молчим и мы. С рассветом заходим с другой стороны города. Выезжаем на дорогу, сближаемся с противником, вступаем в бой. Немцы теснят нашу пехоту, остаемся без прикрытия. Немцы все ближе подходят, огонь наших автоматчиков задерживает их продвижение.

Вновь подошла наша пехота, на бреющем полете появились наши самолеты. Немцы убегают, наша пехота преследует. В этом бою я был тяжело ранен, и товарищ уносит меня в безопасное место. Забыл его имя и фамилию, помню, что он плохо видел, страдал близорукостью. Хорошо организованно работала наша санитарная служба.

Смирнов Михаил Михайлович – подполковник – инженер запаса. Дата рождения 06.12.1925 г, г. Ленинград.

- До войны являлся учащимся школы, поступил в инженерные войска по радиотехнике. Проходил службу с 14.04.1942 по 14.01.1944 г. в 621 отдельном батальоне связи (910 отдельная рота связи) 189 сд. С 14.01.1944 г до конца войны 2-ая (216) Авиарембаза. После войны работал инженером ВИКИ им. А. Ф. Можайского. 28.03.1943 года контузия под Красным Бором в стр. 621 ОБС, лечился в Эвакогоспитале № 1012 на Васильевском острове. Две медали "За боевые заслуги", "За оборону Ленинграда", "За Победу в ВОВ".... Всего 15 медалей.

Вступил в армию добровольно 14.04.1942 года, в возрасте 16 лет 4 месяца. Проходил службу во взводе подвижных средств (командиры - Квитницкий, Панкратьев) 621 ОБС. Участвовал в операции "Аппендицит" - разведка боем, был контужен под Красным Бором. После излечения в эвакогоспитале № 1012 (на ВО) вернулся в свою часть. В 431 Артполку служила военфельдшером его мать Смирнова Нина Александровна (умерла в 1978 году). С января 1944 года служил в авиационных частях. Окончил ЛВИКА им. А. Ф. Можайского в 1962 году. Проходил службу в постоянном составе этой академии. В 1975 году демобилизовался и продолжил работать в качестве служащего советской армии в этой же организации.

Я служил во взводе подвижных средств 621 ОБС (впоследствии 910 ОРС). Наш взвод обслуживал пункт сбора донесений (ПСД) при штабе дивизии. Основная наша задача была - доставка корреспонденции (секретной, совершенно секретной) в части дивизии, в штаб 42 армии, а также в различные части, приданные дивизии и части. Поэтому основные мои впечатления связаны с эпизодами, при выполнении заданий по доставке пакетов.

Памятна мне операция "Аппендицит" (разведка боем в направлении на Александровку) зимой 1943 года. Тогда мне пришлось поддерживать связь между КП дивизии и НП, расположенным в позициях боевого охранения. Весь путь от КП до НП мы разведали заранее с вечера, пока было "тихо", чтобы потом под огнём противника безошибочно находить траншеи, обеспечивающие кратчайший путь. Эта разведка пригодилась, т.к. во время нашей артподготовки немцы стали очень интенсивно "отвечать" и порвало телефонную связь. Помню, как я бежал с приказом от КП на НП, а потом обратно с донесением. Был яркий солнечный день, но от разрывов снарядов и мин стало темно и в этом сумраке летали комья земли и мелькали всполохи разрывов. Свиста осколков не было слышно из-за оглушающего гула наших выстрелов и разрывов мин и снарядов противника.

Помню доставку оперативной сводки в штаб 42 армии на Благодатный переулок 25.09.1943 года. Немцы тогда учинили жестокий обстрел ЗКП дивизии, который находился в "Белом доме". (так мы называли дом на Московском проспекте между Мясокомбинатом и Средней Рогатной (семиэтажный с двумя арками), где находился ЗКП. Я получил пакет с оперативной сводкой по дивизии, ежедневно доставлялась в штаб армии, и выехал на велосипеде, (КП дивизии, тогда находился в ж. д. насыпи, около пересечения окружной железной дороги с Московским проспектом). В "Белом доме" я должен был зарегистрировать пакет в строевом отделе. Пробраться в дом мне помогла педантичность немцев. Подъезжая к дому я "изучал" систему огня немцев и понял, что стреляла батарея из 4-х орудий с интервалами для перезарядки. Воспользовавшись таким интервалом я проскочил через арку и очередной залп по дому меня уже застал за стеной, где было относительно безопасно. Однако зарегистрировать пакет мне не удалось, все были в подвале - пережидали жестокий обстрел. Определив очередной интервал после залпа я выскочил на шоссе и нажал на педали, как раз вовремя, т. к. снаряды на этот раз угодили в шоссе, но меня не задело. За эту операцию я получил благодарность от командира дивизии полковника Лоскутова. Выписка из приказа по дивизии, подписанная старшим писарем 910 ОРС Мазыриным, хранится и сейчас у меня.

Помню я рейсы на мотоцикле с нашей бесстрашной мотоциклисткой Ниной Максимовой. Особенно трудно было находить части, когда штаб дивизии был на правом берегу Невы (под Шлиссельбургом в 1943 году), а некоторые части на левом берегу - например 431 АП. Надо сказать, что туда посылали как правило меня, потому что там служила моя мать Смирнова Нина Александровна - старшим фельдшером дивизиона. Находить части нам помогал начальник связи дивизии - майор Засыпкин.

Помня "Красный Бор". Там мы "познакомились" с новым для нас огневым средством противника - шестиствольными миномётами. Помню жестокие бомбёжки, которые учиняли шестёрки Ю-88 по району кладбища у Красного Бора. Там было вкопано около 30 "катюш". Однако "Катюши" наши не пострадали. Видимо им помогло то обстоятельство, что после захода первой шестёрки от разрывов бомб поднялась такая туча пыли и дыма, что бомбометание последующих шестёрок шло уже "вслепую". Не пострадала и наша кухня, которая оказалась в самом центре бомбового удара, но страху (чего греха таить) мы тогда натерпелись. Наша землянка находилась в насыпи Московской железной дороги, недалеко от моста шоссейной дороги через железную.

Около нас стояли миномётчики. Все, кто был на войне знают какой мощный "факел" дают при выстреле тяжёлые миномёты. По этим демаскирующим факелам, хорошо видимым в темноте, немцы начали обстрел позиций миномётчиков и попали в нашу землянку. Нас было шестеро. Накат был сделан из брёвен разной толщины. Двое, лежавших под тонкими брёвнами, погибли. А четверо других, в их числе и я, были контужены и засыпаны. Товарищи нас откопали и отправили в госпиталь.

По дороге в госпиталь на поле, не доезжая Колпино, через открытую дверь санитарной машины я видел страшную картину: около разбитой санитарной машины (с красным крестом) валялись обгорелые трупы и из них валил дым. Это был результат налёта "мессершмита" на санитарную машину.

Помню я и картины блокадного Ленинграда, которые помнит практически каждый ленинградец-блокадник. Ведь я ушёл на фронт в апреле 1942 года, а всю осень и зиму до этого был в Ленинграде. Видел пожар Бадаевских складов, пожар Американских гор около Госнардома. Похоронил бабушку умершую от голода (вернее мы с матерью завернули её в простыню и на санях отвезли к покойницкой больницы Эрисмана.

Смирнов Сергей Алексеевич - сержант.

Дата рождения 07.10.1908 г/р.

- г. Галич Костромской обл. Зачислен в армию 14.01.1942 г. 189 стрелковая дивизия – связист, 864 полк, в 1943 г. был направлен на курсы мл. командиров в г. Ленинград . Помню стояли мы в обороне у Ижоры, у Кирпичного завода. Когда пошли в наступление, то в трубе кирпичного завода обнаружили засевшего немецкого радиста, он передавал немцам о наиболее удобном нанесении ударов по нашим войскам. В это время у нас был командиром Кочетков, и вот с ним вместе мы взяли фрица в плен, и отправили его в дивизию.

Верстакова Ольга Владимировна.

Дата рождения 1921 г/р. г. Кемерово.

- В составе 339 батальона МПВО Смольнинского района г. Ленинграда воевала в годы войны. За участие в обороне Ленинграда награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За Побед над Германией в ВОВ» и последующие медали. После войны работала копировальщицей на ЦКБ – 32 «Балтсудопроект», зав. копировального сектора г. Ленинград.

Во время войны, МПВО города Ленинграда работало на всех работах, в которых нуждался город, а именно: уборка и очистка города, разборка завалов после бомбежки и артобстрелов, уборка трупов - "жмуриков", приёмка и отправка раненых в глубокой тыл, так как после прорыва блокады в город стали прибывать с поля боя поезда и баржи с ранеными. Однажды наша медико - санитарная рота работала по отправке выздоравливающих раненых в глубокой тыл. В дорогу раненых передивали в чистое белье. Мне поручили это сделать. Я подошла к одному выздоравливающему раненому. Он ранен был в грудную клетку и сломана ключица, рука была в гипсе и поднята над головой. Он сидел на коляске, когда я сняла с него рубашку и взглянула на него, то на мгновение потеряла сознание и стала сползать, раненый, здоровой рукой охватил меня за плечи и сказал - " Милая, доченька, не ужели я такой страшный, что ты потеряла сознание".

Он был весь изрешеченный, на нем не было здорового места, пулеметная очередь прошла по его грудной клетке.

Хотя раны были уже поджившие, но впечатление ужасное. Это было моё первое крещение работы с ранеными в госпиталях.

Сенчугов Николай Семенович

В кольце блокады. Когда началась война, Коле было десять лет. Отец ушёл на фронт, и мальчик с матерью, сестрой и маленьким братом остался в Гатчине. Немцы наступали стремительно, и 26 июня пришлось бежать в Ленинград. Там их и разыскал отец, часть которого стояла на Пулковских высотах. – Паёк на передовой составлял 800 граммов, – рассказывает Николай Семёнович, – и солдаты, приезжавшие к родным в Ленинград, передавали хлеб из пайка семьям своих товарищей. Так мы и пережили блокадную зиму. Однажды однополчанин Колиного отца, от него передавший гостинец, позвал мальчика с собой в полк. – Меня тут же накормили досыта, пошили полный комплект обмундирования. Маму Николая, работавшую в МПВО, в июне 1942-го убило осколком снаряда. Узнав об этом, отец записал Колю «сыном полка» в свою дивизию, и с тех пор они вместе шли по фронтовым дорогам. Пулковский меридиан 189-я Краснознаменная Кингисеппская стрелковая дивизия, а тогда – 189-я дивизия народного ополчения стояла на переднем крае обороны блокадного города – на Пулковских горах. – Мы находились на самой опасной позиции – у ворот Пулковской обсерватории. Двенадцатилетний «сын полка» сначала служил при миномёте, затем – связным. Первый раз Коля отправился на задание без оружия, потом ему достался даже автомат ППС, который другие связные «одалживали», отправляясь на задание.

После прорыва блокады 189-я дивизия устремилась к Гатчине, первой заняла Ропшу, вошла в Кингисепп, форсировала Лугу, однако у берегов Нарвы встретила отчаянное сопротивление немцев. Николай Семёнович служил тогда в штабной батарее, располагавшейся в старинной усадьбе. 5 марта 1944-го немцы совершили налёт, и подростка ранило осколком в ногу. – В полковом медпункте мне сделали только укол от столбняка, а ночью перевезли в медсанбат на противоположный берег Нарвы. Там непрерывно шли тяжёлые операции, поэтому моя «очередь» подошла не сразу. Наконец, отвезли в госпиталь в Сланцах, сделали операцию и даже накормили. После Николай Семенович попал в госпиталь на Фонтанке, потом – в батальон для выздоравливающих, откуда вместе с однополчанином сбежал на фронт.

Капитан первого ранга. В 1944 году Николай Сенчугов поступил в только что открывшееся в Ленинграде Нахимовское училище и окончил его в 1952 году. После этого жизнь будущего капитана накрепко оказалась связана с подводным флотом: он служил в Риге, Лиепае, не один год провёл на Новой Земле. В 1983 году вышел в отставку, после чего работал в порту, занимаясь военной подготовкой капитанов и экипажей гражданского флота. В 2004 году он стал инженером по материально-технической части на нашей военной кафедре и только в 2012-м вышел на пенсию. Две дочери Николая Семёновича продолжают дело отца: Ольга разрабатывает оборудование для надводных, а Наталья – для подводных кораблей. К 70-летию Победы из 189-й – его родной дивизии остались в живых всего 12 человек, и большинство из них, как и Николай Семенович, начинали свой путь «сыновьями полка», мальчишками, не окончившими школу.

**Воспоминания военной медсестры Ии Яновны Лавровой -
старший сержант медицинской службы.**

В начале войны восемнадцатилетней студенткой искусствоведческого факультета института им. Репина Ия Янисовна пошла с подругами на курсы медсестер. 2 декабря 1941 года они получили направление в войсковую часть. Это был медсанбат № 100 189-ой Краснознаменной Кингисеппской стрелковой дивизии - одно из мощнейших воинских подразделений, которые не пропустили врага в наш город. Дивизия дислоцировалась на Пулковских высотах, принимала участие в кровопролитных боях под Синявино и Красным Бором, освобождала Кингисепп...

- Основная черта русского воина - жертвенность, - рассказывала Ия Яновна школьникам, слушавшим ее, - принесение своей жизни в жертву ради спасения других. Помню, как привезли к нам очень красивого молодого лейтенанта в тяжелейшем состоянии. Его зацепило танком, и от нижней части тела осталось кровавое месиво с обломками костей... "Сестричка, - сказал он мне, когда я подошла к нему, - не трать на меня время, я тяжело ранен, может, не выживу. Не трать на меня время, иди, спасай других..." - "А ведь он мог требовать скорой помощи, отправки в операционную, - со слезами вспоминала Ия Яновна. - Не удалось спасти этого лейтенантика, он скончался в операционной. Вот такие люди были на войне.
- Кроме того, - умирая, наши командиры и солдаты ни на что не жаловались, ни на кого не обижались, не ругали ни командование, ни власти. Все терпели. А просили нас только об одном: "напишите моей жене Маше (Кате, Любе), что ваш муж умер за Родину".

Я работала сначала в шоковой палате, потом - в после операционной, а когда приобрела опыт, меня перевели в операционные сестры. Тяжело, конечно, было нам, девчонкам, не медработникам, увидеть сразу столько крови, столько боли. Сказать, что не было страшно, будет неправдой. Работали под обстрелами, бомбежками, минометным огнем. Выживали порой чудом. Ведь у операционного стола можно только стоять, пригнуться нельзя. Санитарки еще могли лечь на пол при сильном обстреле, мы - нет. Хирург оперирует, и сестра должна быстро подавать ему инструменты.

Работали мы в операционных палатках. Бывало, фронт продвигался очень быстро, надо было установить палатки на четыре операционных стола, они назывались ДМП (дивизионная медпалатка), или ПМП (полковая), на два стола.

Работало по два-четыре хирурга одновременно, и нам приходилось одновременно помогать двум хирургам, участвуя сразу в двух разных серьезных операциях. На одном столе, может, ампутация происходит, на другом - полосная (в живот) или черепная операция. Но мы были молодыми, смыслеными и быстро приобретали опыт и умение. Соблюдали порядок, стерильность, все как положено. Благодаря самоотверженности врачей семьдесят процентов раненых нашей армии возвращались в строй. Медики делали для этого все возможное и невозможное.

Есть в Московском парке Победы кардиологический центр, до войны там размещался роддом. А весной 1942 года в это здание отвели нашу медсанчасть. Его сильно обстреливали тогда. Однажды, когда мы там находились, под нашими окнами разорвался снаряд. Весь медперсонал был на первом этаже. Нас спасло только то, что мы все спали. Днем обработали раненых, новые еще не поступили, и удалось прилечь поспать. Благодаря этому, все огромные осколки прошли чуть выше наших голов. Знаете, во всем трагичном часто бывает какая-то доля комичного, что облегчает переживаемое. Одна наша медсестра, Муся Чехова с началом войны стала курить. Не перенести, видно, ей было обилие свалившегося на нас горя, боли, крови, раненых. А курящим выдавали в войну махорку. Так эту махорку Муся везде рассыпала, за что мы на нее ворчали. В конце концов, нашли мы ей стеклянный плафон, предназначенный для электрической лампочки, чтобы она туда ссыпала свою махорку. Так вот, когда произошел этот обстрел, Муся спала у окна, и одна из рам упала на нее. (Тогда повывлетели и рамы, и двери). И среди всего этого ужаса и паники вдруг поднимается наша Муся на кровати, и, сидя в этой раме, в окружении разбитых стекол и осколков снарядов (в комнате стоит пыль от осыпавшейся штукатурки, кругом темнота, электричество-то погасло), говорит, как ни в чем не бывало: "А где же мой плафончик, ведь самое время закурить"... Конечно, мы все захохотали, обстановка разрядилась. Хоть и напугались сильно, но в тот момент стало смешно, словно почувствовали, что опасность миновала. Такие вот бывали случаи.

Женщинам на войне тяжело вдвойне, во всех отношениях, и в бытовом, и в отсутствии мужской силы, приходилось же и тяжести таскать, и в одиночку переворачивать раненых. Мы же были юные девочки, ну откуда сила бралась, сейчас и не понять.

Однажды к нам приехал какой-то генерал, так, когда я попалась ему на глаза, наш начальник медсанбата представил ему меня так: "Это наш ветеран". А надо сказать, что у меня были тогда роскошные косы (в виде исключения разрешили их не обрезать), с которыми я походила на школьницу. Генерал - огромный мужчина - поднял меня на руки как пушинку, прижал к груди и говорит: "Ну разве мы не победим, когда у нас такие дети воюют"...

Но победа была еще впереди, а первое время положение на фронте было ужасающим. Винтовка-то не у каждого солдата была. Наш Ленинградский фронт вообще был особенно тяжелый. Сказывался и климат наш сырой; и суровость первой военной зимы с небывало жестокими морозами, доходившими до 45 градусов, а 42 - так очень часто бывало; и плохая экипировка наших солдатиков; и плохое питание, мы же дислоцировались вблизи заблокированного города.

Солдаты располагались в основном в окопах, землянок мало было. Бывало, нас посылали сходить на передовую сделать перевязки, раздать какие-то лекарства. Привозить на передовую медпалатку не всегда удавалось, мало было и полковых медиков. Помнится, весной по мосточкам я пробиралась в одну землянку. Прихожу, лежит солдатик на нарах, а под его нары уже подступает вода, к самым доскам, на которых он лежит. Вхожу, здороваюсь, спрашиваю фамилию. Солдат лежал лицом к стене и так резко повернулся ко мне, что на него сквозь щели между досками хлынул фонтан воды, всего его облив. А лежал-то он на голых нарах, сам в шинельке и на нем шинелька... И болели солдатки в таких условиях, конечно. Про раненых и говорить нечего. Еще ведь и голодный был наш фронт. Да, нас чуть лучше кормили, чем самих блокадников. Суп давали, «хряпой» мы его называли. В него клали капустные листья, собранные с полей, когда сходил снег, другие оставшиеся полу гнилые овощи. Голодно было. Бывало, соберемся и вспоминаем, кто что любит. А кто-нибудь и скажет: "Да что вы вспоминаете колбасу да сыр, нам бы сейчас хлебушка досыта поесть..."

Но знаете, даже голод не так мучил, как отсутствие сна. Во время кровопролитных боев под Синявино и Красным Бором, когда наши наступали, мы работали, не отходя от операционных столов по двое суток. Сейчас трудно понять, как это можно было выдержать. Думаю, только за счет молодости. Шел непрерывный поток раненых. Одного уносят, другого приносят. Хирургу только руки обильно польют спиртом, подведут к тазику, помыться было невозможно. Руки ему накроют, да и самого тоже, стерильной простыней, а он сидит на стуле около операционного стола и качается, думаешь, вот-вот упадет. Не хватало сил стоять, на ходу засыпали. Но вот что интересно, ни разу ни один врач не упал.

А в декабре 1941 года, когда мы стояли на Средней Рогатке, у нас однажды испортился автономный электрический движок, и мы остались без света. Наша дивизия тогда брала высотку 0-5, шли ожесточенные бои. Очень много было раненых, несут и несут, а света нет. И два-три дня мы оперировали сначала со свечами, а когда их запас иссяк, с коптилками. Сложнейшие операции проводились при этом слабом и ненадежном огне. Надо сказать, что в операционной никогда ни хирурги, ни медсестры не ругались бранными словами, но в те труднейшие дни стояла ругань. Хирурги просили присутствующих не двигаться, не разговаривать, не кашлять, не чихать, потому что от любого, даже слабого, движения воздуха коптилки гасли, и наступала темнота. Представляете, если это происходит во время сложнейшей операции?..

А когда прооперируем раненых, их увезут в Ленинград в госпиталь, так мы падаем вповалку спать, места-то для персонала уже не хватало, где-нибудь по углам притулимся и спим.

Конечно, это великое чудо, что в том тяжелейшем положении, в котором находилась наша армия, - голод, страшный холод, недостаточное обмундирование (полушубков хватало только для офицерского состава), даже винтовок не было на всех солдат, об автоматах и не мечтали, в начале войны их было очень мало, - мы стояли против врага, вооруженного до зубов, сытого, мощного и выстояли, не пустили его в город. Меня часто спрашивают: как же это могло быть? Сейчас и ученые интересуются этим феноменом: как в таком положении выстоял Ленинградский фронт. Но не надо им гадать и придумывать что-то. Господь нас спас. Только Бог пощадил, помог и спас нас по молитвам Царицы Небесной и всех святых. Будучи очевидцем и участником тех событий, я в этом твердо убеждена. Как начнется обстрел, так все верующими становились.

Конечно, со временем полегче стало, начали поступать какие-то пополнения, по воздуху прорывались и по суше. Снабжение немножко улучшилось. Дорога жизни принесла большое облегчение. Из города по ней вывозили население, а нам по этой дороге привозили хлеб, продукты, вооружение. Еще поддерживали наши заводы, доставляли нам вооружение. Так что со временем мы даже начали превосходить врага по численности вооружения, самолетов, танков. Но это произошло уже позже.

А первое время тяжело было. Но вот, что удивительно: при всех трудностях мы не теряли силы духа, не было ни паники, ни страха, что враг нас оккупирует, разобьет. А ведь у немцев уже были заготовлены билеты в "Асторию" для празднования своей победы взятия города, они же подступили совсем близко. Но у нас была полная уверенность, что мы выстоим.

Иногда нас отпускали в город: отнести в штаб какую-нибудь медицинскую сводку или домой - проведать родных. Город выглядел страшно. Улицы не убирались, кругом стояли высоченные сугробы, света не было, из темноты на тебя смотрели глазницы выбитых окон, жутковато все. Мне пришлось однажды в темноте возвращаться... Люди передвигались по какому-нибудь проторенному пути, и их скрывали сугробы. Идешь, все время запинаешься о какие-то кочки. Посмотрела я как-то, что это за кочки, а это трупы лежат, присыпанные снегом. Умершие, которых не довезли до кладбища. Первое время их еще в гробах вывозили, хоронили на кладбище. Потом у людей не стало хватать на это сил. Везут-везут кого-нибудь, завернутого в простыню, да и оставят на дороге прямо в городе, не довезя до кладбища.

Сейчас уже официально признано, что в блокаду от голода, холода, обстрелов, бомбежек погибло более миллиона людей. Люди были истощенные, голодные, не обогретые. Покойники подолгу лежали в подвалах, на чердаках, в квартирах. Но вот что удивительно, эпидемий не было. Ну, зимой мороз не позволил распространиться инфекциям. Но наступила весна, все оттаяло, трупы начали разлагаться. И народ проявил высокую сознательность, мобилизовавшись на уборку города. Само население блокадного города, потому что другой подмоги не было.

А сейчас в мирное время не собрать народ, чтобы очистить территорию вокруг собственного дома. Есть, конечно, и сознательные люди, но многие безразличны ко всему.

...А в блокаду поражали отношения между людьми. Сложилось какое-то необыкновенное братство, люди сплотились в этом горе, каждый старался сделать другому что-то доброе, не было злобы. Вот идет блокадник, падает на ходу, буквально умирает, за ним движется такой же, как говорили тогда, доходяга. И он его поднимает, зная, что, может, сам рядом упадет и умрет, но все равно спасает ближнего. Да, были и противоположные примеры, о них раньше запрещено было говорить. Люди разные, к сожалению, есть и злые, но их меньше на свете.

Одна моя родственница, ее звали Мария Павловна, учительница старших классов старой закалки: энергичная, с хорошо поставленным голосом, строгая и всегда изящная, всю блокаду провела в городе. Сына она отправила в эвакуацию, а сама осталась. Как педагог Мария Павловна считала своим долгом спасать детей. В самое трудное время зимой 1941-1942 годов она собрала ребят, оставшихся без родителей. Они облюбовали какой-то сухой подвал, оборудовали его, поставили буржуйку, сделали нары, принесли из домов одеяла, соорудили коптилки. Там они жили, Мария Павловна учила этих деток. И хотя все они были разного возраста, но она, будучи опытным педагогом, сумела разработать специальную программу. Выводила их на прогулку. Так они пережили блокаду, многих детей-сирот она спасла.

Вот что рассказывала Мария Павловна. Ночью к окнам этого подвала какой-то нехороший человек постоянно притаскивал трупы, именно к их окнам. Дети, проснувшись, сразу бы увидели их. И вот, чтобы ребята, которые и так перенесли горе потери близких, не травмировались лишней раз, она караулила этот момент, вставала пораньше, оттаскивала эти трупы куда-нибудь подальше. Но уловить преступника не удавалось. Мария Павловна умерла в 2003 году, ей было девяносто восемь лет. Всю жизнь она прожила в коммунальной квартире, в доме причта Казанского собора. В медсанбате был у нас и стационар, потому что сразу после операции отправлять раненых в Ленинград было нельзя, мы должны были довести их до транспортабельного состояния. Мы старались скрасить их страдания, развеселить, отвлечь от тяжелых мыслей. Наш главный хирург, Николай Прокопьевич Золотухин, кроме медицинского имел еще и театральное образование, был до войны театральным режиссером. Он организовал нашу самодеятельность. С помощью Н.П. Золотухина мы ставили отдельные сценки из пьес Островского. Шили костюмы из простыней, красили их марганцовкой, риванолом. Одна наша санитарочка пришла на войну с четвертого курса Консерватории, был и хор организован. Мы и сами оживали в это время, отдыхали душой, а уж раненые-то как были благодарны... Смотрели, слушали, плакали, радовались, обнимали и целовали нас. Так мы жили, не горевали, хоть и немец стоял у ворот.

А наш хирург Николай Прокопьевич был прекрасным врачом. Он спас больного, которого ранили в сердце. Ему удалось вынуть осколок из живого бьющегося сердца. Это удивительно, ведь тогда не было современной аппаратуры, позволяющей делать подобные операции.

Наша дивизия принимала самое активное участие в прорыве блокады (блокадное кольцо мы пытались прорвать неоднократно, но не удавалось) и в освобождении города. 18 января 1943 года после ожесточенных боев соединились войска Волховского и Ленинградского фронтов. Много было убитых и раненых. Есть известные фотографии встречи фронтов, так на них много наших бойцов запечатлено.

Наши войска освободили Шлиссельбург, и фронт стал продвигаться на запад. Но под Нарвой нас остановили, враг был еще достаточно силен. Шли-шли боевым шагом, но пришлось занять оборону. К тому времени нашу дивизию пополнили сибиряки, и оружие уже было мощное, автоматы и все остальное. Пытались продвинуться дальше, но немцы нас сдерживали. Начались перестрелки, бомбежки. Наши палатки оказались рядом с артиллеристами, "катюши" близко. Раненых нам везут. Помнится, особенно сильный обстрел немцы приурочили ко дню рождения Гитлера 20 апреля 1943 года. Артиллеристы, сильные мужики, быстро вырыли себе землянки. Дадут залп, и - в землянку. Потом немцы стреляют. Мы находились, может, в квартале от них, и хорошо видели гуляющих между "катюшами" лошадей. Вот, смотрим, одну лошадь разорвало в клочья, другую - ранило...

Сидим, наблюдаем: недалет, перелет, а может, и в нас попадет... Страшно. И вот один наш врач и говорит: "Ну что же, убьет, так такая судьба. Если ранит, так только бы не в руку (он же хирург), а в ногу, так ничего, к Нине увезут. (Его жена Нина была начальником хирургического отделения госпиталя в Ленинграде). Думаю, что не умру. Протез сделают, и ничего, еще поживу". Такой заряд оптимизма был у наших военных врачей.

Затем сопротивление немцев было сломлено, дали им жару наши "катюши". Наши войска стали продвигаться дальше. Бывало, что нас привезут (на полуторках перевозили нас с тяжелым операционным оборудованием), а на снегу уже лежат десятки и сотни раненных. А если мы находимся в лесу, так надо же еще площадку расчистить. Поэтому случалось, что нам было совсем не до себя, только бы раненных принять, операционную соорудить, обогреть солдат. А сами иногда и на снегу спали. Но что интересно: ничем я за войну не болела, один раз только ухо простудила, но работала. А ангиной, гриппом никто из нас практически не болел, единичные были случаи. А до войны я постоянно болела ангиной. И куда все делось, думаю, перестройка произошла в организме.

Самым тяжелым было отсутствие сна. Использовали каждую возможность, чуть тебя освободят, так только и думаешь: где прилечь. В этот момент ни пить, ни есть не хотелось, потому что не знаешь, что в следующую минуту будет. Может, столько раненных привезут, что некому и сменить тебя будет. Конечно, не все время так было, не изо дня в день. Когда не было боев, наступало затишье. Но медики-то все равно работали, готовили операционный материал, выхаживали раненных, чтобы отправлять их дальше в госпиталь. Без работы не сидели, но это было уже не такое горячее время.

День 27 января 1944 года, когда наш город был полностью освобожден от вражеской блокады, я запомнила навсегда. Нам не докладывали, что будет наступление, мы не знали о нем. Накануне был обыкновенный день, и вдруг ночью началось такое светопреставление, что казалось, будто с неба на нас падают планеты, их спутники... Больше такого грохота я никогда в жизни не слышала. Столько было задействовано орудий, артиллерии, всей техники военной, не передать. Это был подготовительный залп к наступлению. Небо пылало от красных всполохов, было море огня. Складывалось впечатление, что горизонт горит и на тебя что-то рушится. Такого в моей жизни больше не было. А уже утром пошли в наступление войска, и мы тоже сразу двинулись. Войну наша дивизия закончила в Курляндии.

... Во время войны мы верили, что с Божьей помощью победим. Вот у нас в медсанбате был постоянный тяжелый труд. Да, мы не бросались на амбразуры, но свое дело, которое было на нас возложено, старались выполнять добросовестно.

После войны Ия Яновна получила высшее юридическое образование, работала адвокатом, а последние десять лет перед выходом на пенсию была старшим юрисконсультom "Управления Севтепломонтаж треста Севэнергострой". Вырастила двух дочерей и двух внуков, стала прабабушкой.